

УДК 811.161.1'04

Иванова М.В.*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Высшая школа телевидения***МАЛОИЗУЧЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО СИНТАКСИСА
В ЖИТИИ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО**

Аннотация. В статье на материале Жития Стефана Пермского (1396-1398 гг. по списку XVI в.) рассматриваются малоизученные явления древнерусского синтаксиса – употребление безличных конструкций и формирование деепричастия как вторичного сказуемого. Текст Жития Стефана Пермского отчётливо отражает процесс становления деепричастия в конце XIV в. как отдельного класса слов и деепричастного оборота как синтаксической конструкции, отличной от оборота причастного.

Ключевые слова: древнерусский язык, исторический синтаксис, безличные конструкции, деепричастие, Житие Стефана Пермского.

M. Ivanova*Lomonosov State University,***POORLY STUDIED FEATURES OF OLD RUSSIAN SYNTAX
IN STEPHAN PERMSKY'S HAGIOGRAPHY**

Abstract. The article presents the research of poorly studied features of Old Russian syntax, namely the impersonal constructions usage and gerund's development to the second predicate on material of Stephan Permsky's hagiography (1396-1398). The text of hagiography of Stephan Permsky clearly reflects the process of gerunds becoming at the end of the 14th century a separate class of words and gerund phrase as syntactic structure different from participial phrase.

Keywords: Old Russian language, historical syntax, impersonal constructions, participle, Stephan Permsky hagiography.

«Житие святого Стефана, епископа Пермского», написанное Епифанием Премудрым и рассказывающее о подвиге просветителя коми-пермян, является важным источником по историческому синтаксису русского языка. Определяется это прежде всего большим объёмом текста, а также сложностью синтаксической организации (житие написано в стиле «плетения словес») и разнообразием синтаксических конструкций.

В Житии Стефана Пермского использованы синтаксические возможности, которые предоставлял книжно-славянский тип древнерусского литературного языка (терминология академика В.В. Виноградова). В житии обнаруживаются все типы предложений, различные виды придаточных предложений (по современной

© Иванова М.В., 2014.

классификации) с разными союзами и союзными словами, сложное сочинение и подчинение, осложнённое длинными цепочками однородных словоформ, бессоюзная связь, причастные обороты, отрицательные конструкции, вопросно-ответное построение, скрытая цитация и т. д. Регулярно текст приобретает характер сложного синтаксического и ритмико-интонационного образования, что выводит собственно синтаксическую организацию на уровень стилистической фигуры. Всё это представляет собой важный и, пожалуй, главный компонент экспрессивно-эмоционального, украшенного стиля, который традиционно именуется стилем «плетения словес».

Такой синтаксический строй характеризует весь текст жития, независимо от того, относится ли тот или иной фрагмент текста к религиозно-философским рассуждениям или к описанию реальных событий жизни святого, или к похвальному слову Стефану, или к плачу Пермской Церкви, или, наконец, к прямой речи. Это обуславливает, с одной стороны, языковое единство текста жития, а с другой – сложность его восприятия.

Характерной чертой текста Жития является широкое использование Епифанием Премудрым безличных конструкций, образованных различными способами.

Безличность, как известно, является одной из универсальных семантико-синтаксических языковых категорий, изучение которых базируется на исследовании истории и современного состояния синтаксической системы языка [15; 16].

В русистике проблема имперсональности была поставлена давно и

нашла своё научное освещение в работах Шахматова [19], Пешковского [12], Галкиной-Федорук [3], Гиро-Вебер [4] и др. Особое внимание ей было уделено и в историческом синтаксисе русского языка [7].

Однако, к сожалению, нынешнее состояние изучения исторического синтаксиса русского языка не позволило уточнить и расширить многие его положения, в том числе и по категории имперсональности в соответствии с новыми важными разработками в области истории русского глагола [10; 11; 6; 18; 5; 17 и др.].

В Житии Стефана Пермского обнаруживаются безличные конструкции, известные по памятникам древнерусского языка с XI в. Прежде всего это употребление форм безличных глаголов *подобати* и *достояти* с инфинитивом: *подобяише тобо бес престани послушати мене... и достояише тебе пре^ж реченному уч-нiю повиноватися* (292)¹, *како достои^м еп^сну быти и таково подобает ему достоинство^м быти* (299), *на^м по^{до}ба^ш хвалу къ хвале приложити* (337), *сим ли хвалиши^с вкаанне многобо^же вводя и многы б~гы нарицаеши им^ж было по^{до}бало паче постыдети^с* (289), *отселе тве^рдою пищею достои^м ми ко^рмити вы* (311), *по^{до}баше же скратити слово* (340), *к ни^ж же достои^м реци или что подобае^м отвецати по истине бо радоватися достои^м* (307 об).

Конструкция «*подобати/достояти* + инфинитив» выражала значение долженствования или возможности действия.

¹ Цитируется по рукописи Жития Стефана Пермского, хранящейся в РНБ, собр. Погодина, №862, лл.253-348 об. Далее в тексте цитаты даются по этой рукописи с указанием страниц в скобках; орфография упрощена по техническим причинам.

Также древними являются безличные конструкции, образованные сочетанием форм безличных глаголов *прилучитися, приключитися, ключатися* с инфинитивом: *прилучи^с ему в ты д~ни приехати на Мо^скву ... и тог^да приключися ему на Москве неколико дн^и поболеешу и преставитися* (316), *в ни^х же мест^ех ключает^с тебе быти еп^спу* (289 об). Так выражалось значение нерегулярности или непредвиденности действия.

В Житии достаточно часто наблюдается образование с безличным глаголом *мнети ся*, обозначающее психическое состояние лица: *и видимъ ако же мнит^ся на^м* (274 об), *все мнит ми ся лжа и басни* (291), *рците ми что ся ва^м мнитъ* (295 об), *ако мнети* (вместо *мнети ся*) *за два м^сца* (312 об), *мне^ж мнит^с ако не едино же слово дово^но е^с* (340).

Наиболее распространены в житии безличные конструкции наречно-инфинитивного типа, образованные, соответственно, сочетанием наречия с зависимым инфинитивом: *лепо вы есте мене послушати паче* (283), *мне же вбаче полезнее е^ж умо^ткнути* (340), *должно е^с сказати и распытовати* (257 об), *удобе е^с последи постаати* (309 об). Они имеют значение качественной оценки какого-либо действия.

Все подобные безличные синтаксические построения являются для древнерусского книжного языка исконными и отмечаются в самых ранних памятниках [ср. 7, с. 230-295].

Особое место в Житии Степана Пермского занимают безличные выражения, образованные имперфектом от *быти* и инфинитивом *видети*: *и бяше видети его промежу ими* (272 об), *и^ж бяше тог^да видети лю^{ди} разбиваемы* (275), *и бяше в земли тои чю^{до} видети*

(302), *бяше видети тог^да* (311). Учитывая, что в тексте имперфект от *быти* в безличной конструкции сочетается только с глаголом *видети* и не сочетается с синонимичным последнему глаголом *зрети*, можно признать, что сочетание «имперфект от *быти* + *видети*» было устойчивым безличным выражением, в котором форма имперфекта играла роль связки. В академическом историческом синтаксисе это не нашло фиксации.

Обращает на себя внимание единичное использование при передаче безличности независимого инфинитива: *ведати ли си на^м по тебе... или не ведати да аще буд^ет^и видати то блг^венъ Б~гъ аще ли не видати то вскую ны еси встави^т* (321), страдательного причастия прошедшего времени с инфинитивом *быти*: *от мног^ых гра^д слышану быти имени его* (338), а также употребление наречия в сочетании с Д. п. местоимения: *жа^т ми* (324).

Последний пример входит в ряд безличных конструкций, указывающих на ярко проявляющуюся роль Д. п. имени и местоимений в передаче безличности (ср. примеры с глаголами *подобати* и *достояти*).

Таким образом, анализ имперсональных конструкций в Житии Стефана Пермского, во-первых, выявил устойчивую традицию в их образовании в древнерусском языке, во-вторых, продемонстрировал своеобразие их образования в тексте, в-третьих, подтвердил значение инфинитива как регулярного и наиболее специфического конституента в структуре имперсональности и место Д. п. при оформлении типологически древнейших безличных конструкций в русском языке.

Особое место в выражении безличности занимает форма аориста *рече* в значении «сказано»: *си есть первая заповедь еже рече* (737 об), *въ душу бѣ рече безумнаго не видеть мѣрѣсть* (706 об), *подробну бѣ рече создается гра*^д (683-683 об). Вместо формы аориста здесь ожидалось бы страдательное причастие прошедшего времени со связкой или без неё. Такой способ выражения безличности аористной формой не зафиксирован в академическом историческом синтаксисе.

Особого внимания заслуживает проблема деепричастий и деепричастных оборотов в тексте Жития Стефана Пермского.

Генетически деепричастия восходят к кратким причастиям настоящего и прошедшего времени действительного залога, утратившим категории рода, числа, падежа и превратившимся в неизменяемые формы. Это даёт основание характеризовать их как «смешанную часть речи», объединяющую свойства глагола и наречия [12, с. 128], или определять их как «гибридную наречно-глагольную категорию» [2, с. 384-392], или как «атрибутивную форму глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия» [13, с. 672].

В исторической морфологии становление и развитие деепричастия не рассматриваются [см., напр., 9; 5], и история деепричастий в русском языке в полном объёме фактически отсутствует. Есть краткие сведения, изложенные в учебниках по исторической грамматике русского языка, и ещё отдельные работы, которые имеют научную значимость, но всё же проблему охватывают лишь фрагментарно [см., например, 1]. Существует даже некоторая иллюзия отсутствия деепричастия как особого класса слов

в древнерусском языке. Возможно, такая ситуация сложилась в связи с тем, что деепричастие как самостоятельная часть речи русской грамматикой не выделяется. Но и отсутствие достаточного материала, позволяющего создать полную и достоверную картину эволюции древнерусских деепричастий, могло способствовать такой ситуации в исторической русистике.

Но можно многое прояснить в этой нерешённой до конца проблеме, опираясь на текст Жития Стефана Пермского.

Любая часть речи формируется через употребление, через синтаксис. Когда в предложении у причастия появляется новая, самостоятельная функция, отличная от определительной, т. е. оно отрывается от имени и прикрепляется к глаголу, а отнесённость к глаголу выражается через функцию дополнительного сказуемого или позже даже обстоятельства, тогда морфологизируется новая синтаксическая функция деепричастия.

Конечно, деепричастие начинает занимать свою синтаксическую нишу и формироваться через функциональное перераспределение обозначения действия. Когда же возле деепричастия образуется определённая конструкция – деепричастный оборот, обособление с главным компонентом – деепричастием, тогда уже не вызывает никаких сомнений выделение деепричастий как класса слов языка с его едиными синтаксическими и семантическими свойствами. К сожалению, исторический синтаксис русского языка в полной мере не располагает историей деепричастных оборотов.

Текст Жития даёт интересный материал для изучения становления де-

епричастий. Примеры употребления этого класса слов могут быть разделены на три группы.

I. «Будущие» деепричастия выступают в роли сказуемого, т. е. не представляя собой сложившейся грамматической формы / категории и функционируют как причастия: *не празнен же прено пребываа но делаше рукама своима* (256 об), *сице убо и си от ветхы^x и новы^x книг от ветхаго и новаго завета износя слова научаа вразумляа наказаа вбращаа некая в люде^x заблущи^x хотя и^x отрешити от соузъ дiаво^oскыа и от прелести идольскыа* (276).

II. Деепричастия претендуют на самостоятельную роль в предложении: они перестают обладать определительной функцией и не выступают в роли сказуемого. При этом значение сопутствующего действия выражено не слишком ярко: *украшенъ бе втро^o той поспеваа възрасто^o въ стра^x Б~жи и страхо^o Б~жимъ умилився* (255), *подвизаше бв ся д~нь от д~не ако земля добропло^oна разумныа браз^oы прогоняа и многоразличныа плоды б~лгоизволенiа принося Б~гу* (256 об).

III. Деепричастия относятся к глаголу и обладают функцией вторичной предикативности [о сопутствующей предикативности деепричастий в современном русском языке см. 14]. Более того, они образуют возле себя определённую синтаксическую конструкцию – оборот: *М~лю^o ему е^o прося у него слова потребна* (252 об), *и Б~гъ тебе прославить возмезд^oе подаа тебе противу тру^o твои^x* (336), *сиа вся сыскавъ и собравъ сокровищъ себе створи^x* (332), *си влѣхвъ чародеевы кудесни^o зело възгордевся на раба Б~жiа и на Б~га хульныа г~лы въспущаа укоряше же и уничижаше веру кр^oтианскую* (285 об).

По этим трём группам примеров можно судить о становлении деепричастий как особого класса слов. Первая группа – это начальная ступень, когда деепричастие формально выражено, но по функциям не отделено от причастий. Вторая – это переходная ступень, когда наметилось перераспределение функций в составе предложения. Третья группа – это заключительная ступень формирования деепричастия как грамматически самостоятельной формы / категории, отличной от причастия. Деепричастие выступает в роли дополнительного сказуемого или обстояательства. Эти функции сопутствуют обозначению действия.

Таким образом, текст Жития Стефана Пермского отчётливо отражает процесс становления деепричастия в конце XIV в. как отдельного класса слов и деепричастного оборота как синтаксической конструкции, отличной от оборота причастного.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

Житие Стефана Пермского – РНБ, собр.

Погодина, № 862, лл. 253-348 об. XVI в.

Литература:

1. Абдулхакова Л.Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. – Казань, 2007. – 188 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947. – 784 с.
3. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958. – 332 с.
4. Гиро-Вебер М. Устранение подлежащего в русском предложении // Известия АН СССР. – Т. 43. – Вып. 6. – 1984.
5. Древнерусская грамматика XII--XIII вв. – М., 1995. – 520 с.
6. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. Под ред.

- Р.И. Аванесова и В.В.Иванова. – М., 1982. – 436 с.
7. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. Под ред. В.И.Борковского. – М.,1978. – 248 с.
 8. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. Под ред. В.И.Борковского. – М.,1979. – 464 с.
 9. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М., 1982. – С. 280-411.
 10. Лопушанская С.П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. – Казань, 1975. – 342 с.
 11. Лопушанская С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. – Волгоград, 1990. – 114 с.
 12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М., 1956. – 452 с.
 13. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1. – 784 с.; Т. 2. – 709 с.
 14. Сафронова Н.А. О темпоральных возможностях обособленных деепричастий несовершенного вида // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2012. – № 6. – С. 23–28.
 15. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981. – 360 с.
 16. Степанов Ю.С. Личности – безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 273.
 17. Тупикова Н.А. Семантика персональности / ин-персональности русского глагола. – Волгоград, 1993. – 142 с.
 18. Хабургаев Г.А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. – М., 1991. – 200 с.
 19. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. Л., 1941. – 620 с.